

Риски фрагментации мировой торговли

Владислав Степанович ЗАГАШВИЛИ,
доктор экономических наук, профессор,
Институт мировой экономики и международных
отношений РАН имени Е.М. Примакова
(117997, Москва, Профсоюзная ул., 23),
заведующий сектором внешнеэкономической
политики, E-mail: zagashvili@imemo.ru

УДК:339.5; ББК:65.428; Jel:F10
DOI: 10.24412/2072-8042-2024-8-20-33

Аннотация

В статье рассматриваются основные факторы, создающие риски фрагментации мировой торговли, включая укрепление позиций развивающихся стран на мировом рынке, торговый конфликт между США и КНР, появление новых технологий производства, цифровизацию экономики, противодействие климатическим изменениям, застой в ВТО, политику реиндустриализации, пандемию COVID-19, обострение геополитической ситуации. Эти риски довольно высоки и, более того, отчасти уже реализуются. С точки зрения экономической целесообразности всё более настоятельной становится потребность в преодолении конфронтации в торговле и переходе к более тесному межгосударственному сотрудничеству в экономической политике, но современная геополитическая ситуация отодвигает реализацию такого сценария на неопределенное будущее.

Ключевые слова: международная торговля, фрагментация, пандемия COVID-19, прямые иностранные инвестиции, глобальные цепочки стоимости, реиндустриализация, США, Китай.

Risks of Global Trade Fragmentation

Vladislav Stepanovich ZAGASHVILI,
Doctor of Sciences in Economics, Professor, Primakov Institute of World Economy
and International Relations, RAS (117997, Moscow, Profsoyuznaya st., 23),
Head of Sector of Foreign Economic Policy, Sector, E-mail: zagashvili@imemo.ru

Abstract

The article examines the main factors that generate risks of global trade fragmentation, including increasing role of developing countries in the world market, trade conflict between the USA and China, emergence of new production technologies, digitalization, combating climate change, deadlock in the WTO, reindustrialization policy, COVID-19 pandemic, geopolitical uncertainties. These risks are quite high and, moreover, are already partially materializing. In terms of economic feasibility, it is becoming more evident that confrontation in trade should be overcome and closer intergovernmental cooperation in economic policy ought to be facilitated, but the current geopolitical situation may suspend fulfillment of such a scenario to an uncertain future.

Keywords: international trade, fragmentation, COVID-19 pandemic, foreign direct investment, global value chains, reindustrialization, USA, China.

Мировая экономика довольно легко преодолела кризис 2008-2009 гг., хотя впоследствии темпы ее роста заметно снизились по отношению к докризисному периоду. Воздействие пандемии *COVID-19* на динамику международного оборота товаров и услуг было более сильным, но кратковременным. Иное дело – ее влияние на развитие транснационального производства, которое не успело проявиться в период пандемии, но может проявить себя в долговременном плане, создавая предпосылки для фрагментации мировой экономики. После окончания пандемии тема фрагментации приобрела новое и более сильное звучание в связи с ухудшением геополитической ситуации. Мы рассмотрим действие основных факторов, определяющих развитие международной торговли в настоящее время, и остановимся на рисках, связанных с ее возможной фрагментацией.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ

Короткая статья не может претендовать на исчерпывающее раскрытие столь масштабной темы, но мы постараемся обратить внимание на некоторые последствия действия основных факторов, определяющих развитие международной торговли в настоящее время. Особое место в этом ряду занимает укрепление позиций развивающихся стран на мировом рынке, торговый конфликт между США и КНР, появление новых технологий производства, цифровизация экономики, противодействие климатическим изменениям, застой в ВТО, политика реиндустриализации, пандемия *COVID-19*, обострение геополитической ситуации.

Как правило, один и тот же фактор оказывает многовекторное воздействие на мировую торговлю, одновременно подавляя и стимулируя ее рост. Так, опережающий рост развивающихся стран, послуживший одним из источников углубления торговых противоречий, в то же время означает увеличение количества значимых игроков, появление новых рынков, расширение возможностей для диверсификации и увеличения международного оборота товаров и услуг.

Неоднозначным влиянием на международную торговлю обладает самый крупный торговый конфликт последних лет, представляющий собой важный эпизод в рамках тенденции к изменению мирового экономического порядка. Судя по результатам исследования, опубликованного Национальным бюро экономических исследований (США), торговая война между Вашингтоном и Пекином принесла не только дополнительные издержки. По товарам, затронутым конфликтом, третьи страны нарастили свой экспорт в США, почти не изменили экспорт в КНР и увеличили его в остальной мир. При этом возможности каждой конкретной страны определялись структурой производства и торговли, наряду со множеством других факторов. В целом результаты исследования не подтверждают известный тезис о

том, что торговая война между США и КНР знаменовала собой поворотный момент в истории глобализации¹. Она, безусловно, ухудшила ситуацию в двусторонней торговле и накалила обстановку на многосторонних торговых переговорах, однако приводимое в этом контексте утверждение о “конце глобализации” представляет собой большое преувеличение. Оборот мировой торговли продолжает расти довольно уверенными темпами.

Следствием конфликта стало изменение направлений товаропотоков ведущих участников мировой торговли. В период 2017-2022 гг. экспорт КНР в страны Европы и Центральной Азии увеличился на 11,7%, в страны Восточной Азии и Тихоокеанского региона – на 16,1%. Особенно резким был рост китайского экспорта во Вьетнам (на 36,7%), Индонезию (31,3%) и Малайзию (25%). За тот же период США увеличили экспорт в страны Европы и Центральной Азии на 14,9%. При этом американский экспорт в Великобританию вырос на 22,8%. В меньшей степени увеличился вывоз товаров из США в Мексику (на 5,3%) и Канаду (3,5%). Похожие сдвиги произошли в импорте. США и КНР стали в большей степени полагаться на поставщиков из стран Европы и Центральной Азии, Восточной Азии и Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Карибского бассейна².

Двояким образом воздействует на международную торговлю распространение аддитивных технологий, которые приводят не только к исключению из международного оборота части промежуточной продукции, но и к вовлечению в него новых материалов, оборудования и услуг. Научно-технический прогресс служит основным фактором, обеспечивающим рост международного торгового оборота в долгосрочной перспективе. Многие сферы жизни общества, включая торговлю, испытывают на себе влияние таких направлений НТП, как цифровизация экономики и прогресс в сфере искусственного интеллекта, которые уменьшают торговые издержки, повышают эффективность транснационального производства, облегчают поиск и расширяют круг потенциальных партнеров, помогают малым и средним предприятиям выходить на внешний рынок и участвовать в глобальных цепочках стоимости (ГЦС).

В будущем усилится роль природоохранного фактора в торговле. Реализация климатической повестки предполагает расширение торговли товарами экологического назначения. ЕС использует углеродный налог при ввозе продукции, производство которой сопровождается высокими выбросам углекислого газа. Крупные сдвиги в структуре мировой торговли будут происходить в процессе энергоперехода: доля минерального топлива уменьшится, а доля оборудования, позволяющего использовать возобновляемые источники энергии, возрастет.

Застой в ВТО, ставший в свою очередь результатом действия ряда факторов, в том числе укрепления позиций догоняющих стран, серьезно тормозит рост торговли, поскольку затрудняет продвижение на пути либерализации международного обмена, увеличивает непредсказуемость во внешнеэкономической политике госу-

дарств, ослабляет контроль над использованием протекционистских инструментов.

И все же, несмотря на очевидные трудности, многосторонняя торговая система по-прежнему работает. Созданный совместными усилиями правовой фундамент ВТО обеспечивает достаточно уверенное прохождение кризисов, служит основой для построения национальной внешнеэкономической политики и задает ключевые параметры региональных торговых соглашений. При этом в рамках региональной интеграции, находят решение многие вопросы, ответы на которые в настоящее время не могут быть найдены на уровне ВТО. В целом мировая экономика продолжает расти, пусть и медленнее, чем до кризиса 2008-2009 гг.

Отдельного рассмотрения, на наш взгляд, заслуживают такие факторы, как курс на реиндустриализацию, взятый ведущими странами Запада, а также пандемия *COVID-19* и обострение ситуации в геополитической сфере. Именно эти факторы создают основные предпосылки для фрагментации мировой торговли.

КУРС НА РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ

В 2007 г. объем мировых ПИИ приблизился к 2 трлн долл., составив 1907 млрд долл. В период кризиса данный показатель резко сократился, а в последующие годы испытывал небольшие колебания и лишь спустя 8 лет, в 2015 г., вышел на новый пик, который, впрочем, не намного превосходил предыдущий рекорд, 2056 млрд. Далее снова последовали колебания, но теперь уже с явной тенденцией к снижению, причем весьма быстрому: в 2023 г. объем мировых ПИИ уменьшился до 1293 млрд долл.³

На протяжении нескольких десятилетий одним из основных направлений глобализации был перенос производства в развивающиеся страны, осуществлявшийся компаниями развитых стран. Этому способствовало распространение методов массового поточного производства, не требовавшего высокой квалификации работников; дешевая рабочая сила в принимающих странах; прогресс в сфере транспорта, позволивший уменьшить долю транспортных расходов в цене товара; уменьшение таможенных барьеров; льготы иностранным инвесторам со стороны развивающихся государств, заинтересованных в развитии национальной промышленности.

Выигрывали обе стороны. В развивающихся странах создавались новые производства, улучшалась международная производственная специализация, росли доходы населения, а также государства, что позволяло шире использовать инструменты стимулирования экономического роста. Развитые страны высвобождали ресурсы для вложения в развитие науки, техники и человеческого капитала. На практике, к сожалению, происходили и происходят многочисленные отклонения от этой идеальной схемы, при которых открывающиеся возможности используются для достижения второстепенных или даже никаким образом не связанных с национальными интересами целей. Но в целом она оказалась весьма работоспособной.

Изменение структуры экономики развитых стран в пользу сектора услуг, уменьшение их доли в мировом промышленном производстве и экспорте, потеря рабочих мест, которая не всегда восполнялась за счет новых передовых производств, порождали в них тревогу и протестные настроения, обращенные против глобализации. В развитых странах стали раздаваться призывы к реиндустриализации экономики. В 2010-е годы ведущие страны Запада стали обращаться к политике рещоринга (*reshoring*), то есть к возвращению производств, ранее выведенных за рубеж. Этому способствовал также рост заработной платы в развивающихся странах, который уменьшал их инвестиционную привлекательность. Так, к 2015 г. доходность ПИИ, сделанных американскими компаниями в развивающихся странах (за исключением Ближнего Востока), сравнялась с доходностью вложений в европейские страны⁴.

Рещоринг – не единственный вариант политики реиндустриализации. Можно просто построить новое предприятие в своей стране (оншоринг – *onshoring*). Скорее всего, оно не будет обладать рентабельностью, сопоставимой с производством в другой стране, где рабочая сила дешевле. Но если учесть риск будущего рещоринга, сопутствующий зарубежной альтернативе, то в конечном итоге решение строить “у себя дома” может оказаться экономически оправданным.

В любом случае реиндустриализация – процесс не быстрый и сопряженный со значительными издержками, связанными с продажей части активов (с вероятными убытками), строительством и оснащением новых предприятий, поиском персонала. Последняя задача представляет некоторую трудность, поскольку в развитых странах не все люди, в том числе выступающие за реиндустриализацию, готовы вернуться к монотонному труду на сборочных линиях. Складывается довольно противоречивая ситуация. Указанную проблему компании могут решить и действительно решают за счет автоматизации и роботизации производства, но при этом теряется одна из важнейших социальных целей всей операции – создание рабочих мест в стране базирования.

Сопутствующие рещорингу проблемы приводят к отходу от его изначальной схемы. Так, американские компании переносят производство из Китая преимущественно не в США, а в расположенные недалеко от него страны Азии, а также в Мексику и другие страны Латинской Америки. При этом в Мексику инвестируют и китайские компании, что позволяет им воспользоваться преимуществами зоны свободной торговли, в которую наряду с Мексикой входят США и Канада⁵. Очевидно, что при этом происходит не сворачивание, а переориентация зарубежных ПИИ, и угроза фрагментации мировой экономики либо существенно уменьшается, либо вовсе не возникает.

Рещорингу способствуют такие тенденции, как повышение уровня заработной платы в развивающихся странах, развитие автоматизации и роботизации,

рост самообеспеченности развитых стран в источниках энергии. Действительно, преимущества развивающихся стран в расходах на рабочую силу уменьшаются. Однако повышается не только оплата труда, но и его производительность. Промышленность быстро растущих экономик по своим технологическим параметрам приближается к уровню развитых стран, а в некоторых из них уже достигла его. Тем самым создаются условия для более глубокого разделения труда между странами Севера и Юга – разделения, построенного на внутриотраслевой специализации, подобно тому, как это происходит в группе развитых стран. А это означает, что рещоринг выступает не как часть процесса сворачивания глобализации, а как один из элементов перехода к ее новому этапу, характеризующемуся углублением международного разделения труда и усилением международной экономической взаимозависимости.

ПАНДЕМИЯ *COVID-19*

Прямое воздействие пандемии на международную торговлю было сильным, особенно на рынке услуг, но непродолжительным. Объемы международного товарооборота быстро восстановились, постепенно пришла в норму и торговля услугами. Как это обычно бывает в периоды кризисов, торговля сократилась в большей степени, чем производство, но опережала производство на стадии восстановительного роста. Более заметным в долговременном плане может оказаться косвенное влияние пандемии, которое осуществляется через ГЦС.

Пандемия *COVID-19*, во время которой компании понесли большие потери вследствие разрыва ГЦС, породила надежды на то, что устойчивость поставок можно повысить, если включать в число их участников поставщиков, расположенных в своей стране или, в крайнем случае, в близлежащих странах. Иными словами, был выдвинут тезис, что уменьшение географического расстояния укрепляет производственную сеть, в которой участвует компания.

Впоследствии данное утверждение было поставлено под сомнение и, более того, опровергнуто в ряде исследований, указывавших на то, что принадлежность партнеров к одной юрисдикции не служит гарантией от последствий противозидемических ограничений. И наоборот, наличие альтернативы, которой располагают компании, поддерживающие глобальные связи, позволяет восполнить выпавшие звенья с меньшими потерями.

Вероятно, самым важным обстоятельством в этом плане является сопутствующая глобальному выбору более высокая производительность: чем шире круг возможных партнеров, тем потенциально более эффективными будут организуемые ими ГЦС. А это означает, что участники глобальных производственных сетей имеют долгосрочное, стратегическое преимущество как в росте, так и в устойчивости, перед конкурентами, замкнутыми в границах своей страны. Такие закономерности

присущи всем формам международных экономических связей. Устойчивость национальной экономики достигается на пути ее интеграции в мировое хозяйство и диверсификации внешнеэкономических связей.

Пандемия не привела к радикальным изменениям в ГЦС, она лишь усилила тенденции, которые наметились еще до ее наступления. В их число входит обращение к инструментам промышленной политики и рассмотренный выше курс на реиндустриализацию, провозглашенный в США и других странах глобального Севера – отчасти как ответ на промышленный рывок КНР. Ожидаемым следствием такого разворота в экономической политике становится увеличение количества региональных кластеров в высокотехнологичных отраслях, которые менее зависимы от внешнего рынка. В Китае также наблюдается стремление к ослаблению зависимости от остального мира и к созданию региональных кластеров. Поскольку такая политика противоречит интересам ТНК, действующим на глобальном рынке, ее ожидаемым следствием становится обострение противоречий между ТНК и национальными правительствами⁶.

Все эти усилия, продиктованные узкопонимаемыми национальными интересами, дестабилизируют положение в мировой экономике и в конечном итоге способны привести к серьезному кризису. Очевидно, что купировать эту угрозу мог бы переход к более тесному межгосударственному сотрудничеству в экономической политике, но современная геополитическая ситуация отодвигает реализацию такого сценария на неопределенное будущее.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Для того чтобы фактор географической близости (*nearshoring*) проявил себя в полной мере, требуется время, на протяжении которого остальные факторы, определяющие стратегические приоритеты участников рынка, пребывали бы в относительно спокойном состоянии. Однако в последние годы события в мировой экономике и особенно политике приобрели весьма динамичный характер.

После окончания пандемии с особенной силой проявилось действие другого фактора, побуждающего теперь уже не столько компании, сколько правительства, к сужению выбора возможных партнеров. К настоящему моменту взаимное недоверие и конфронтация в политической сфере приближаются к своему пику и играют ведущую роль в усилении деглобализационных тенденций и фрагментации мировой экономики.

Обострение политической ситуации в мире повышает значение политических рисков в обычной коммерческой деятельности. Для их уменьшения компании все чаще делают выбор в пользу “дружественных” (френдшоринг – *freindshoring*) или “союзных” (аллишоринг – *allyshoring*) направлений при принятии решений о размещении производства, установлении кооперационных отношений, выходе на новые рынки сбыта и снабжения. Геополитика возобладала над географией и другими параметрами, определяющими выбор торгового партнера и направление

инвестиций. Платить за снижение политических рисков компаниям приходится уменьшением экономической выгоды – ростом издержек, потерями в производительности и качестве технологических решений.

В 2022-24 гг. данная закономерность усилилась, но она наблюдалась и ранее. По данным МВФ, начиная с 2010 г. растущую роль в распределении потоков ПИИ играет геополитическая близость, а не географическое соседство. ПИИ между геополитически близкими странами опережают ПИИ между странами, близкими географически. Данная тенденция стала заметнее с начала торговой войны между США и КНР (2018 г.). Компании все чаще заявляют о намерении вернуть производство в свою страну или дружественные страны. Аналогичные заявления делаются со стороны правительств развитых стран, которые принимают меры, направленные на увеличение инвестиций, одновременно ограничивая иностранные вложения в стратегически важные отрасли и препятствуя передаче передовых технологий в соперничающие с ними страны. В КНР правительство также озабочено уменьшением зависимости от США и других стран Запада и стимулирует замещение иностранных технологий местными разработками⁷.

Сегодня геополитический фактор приобрел главенствующую роль. Выдвигается даже предположение, что глобализация вступает в период, когда направления и темпы ее развития не будут формироваться под преобладающим воздействием рыночных сил, но будут определяться политическими решениями ведущих стран⁸. Реализация данного сценария зависит от глубины геополитической конфронтации. В любом случае предсказать продолжительность такого периода не представляется возможным.

Следует иметь в виду, что на длительном отрезке времени действие геополитического фактора становится менее заметным. Так, изучение большого массива данных о двусторонней торговле за период 1948-2021 гг. показало, что фактор геополитической близости не обнаруживает статистически значимого влияния на международную торговлю. Гораздо большее воздействие на нее оказывает географическая близость и уровень экономического развития торговых партнеров, а также общность культур, длительная история отношений и наличие торговых соглашений между ними⁹. Возможно здесь проявляется тот же эффект приспособления, который определяет уменьшение, с течением времени, потерь от разрыва ГЦС.

Нельзя также сбрасывать со счетов высочайший уровень международной экономической взаимозависимости, который ставит фрагментации пределы, выход за которые чреват неприемлемо большими потерями для стран, определяющих траекторию глобального развития. Прежде всего это относится к США и КНР, занимающих лидирующее положение в международной торговле. Анализ Межстрановых таблиц “затраты-выпуск” ОЭСР позволяет выявить скрытые связи, обычно ускользающие от внимания исследователей. Расчеты, выполненные с применением данного метода, показали, что зависимость американских цепочек поставок от КНР, учитывающая скрытые факторы, существенно превосходит уровень, обна-

руживаемый при использовании общепринятых данных¹⁰. Глубокая связанность двух ведущих экономик мира оказывает сдерживающее влияние на углубление торговой войны, побуждая политиков к поиску взаимоприемлемых решений, что, безусловно, снижает вероятность разделения мира на два блока – американский и китайский¹¹.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФРАГМЕНТАЦИИ

Особенно пагубно фрагментация может сказаться на рынках товаров с ограниченным числом поставщиков. По данным ВТО, с 2000 по 2021 гг. количество товаров, поставляемых четырьмя странами, увеличилось с 14% до 20%, а их доля в международном торговом обороте почти удвоилась – с 9% до 19%. Более всего такого рода товаров приходится на КНР (36%), за которой следуют США (6%). Высокая концентрация сложилась на рынках электротехники, быстро растет этот показатель в поставках мобильных телефонов и полупроводников¹².

В уязвимом положении оказываются страны с высоким уровнем продуктовой концентрации экспорта, иначе говоря, с низкой степенью диверсификации товарной структуры экспорта. Такие страны расположены прежде всего в Западной Азии, Африке и Океании. А в экспорте стран Европы и обеих Америк представлена, напротив, самая широкая номенклатура товаров¹³.

Негативные последствия несет фрагментация не только на рынках высокотехнологичной продукции, но и полезных ископаемых, неравномерность распределения запасов которых порождает высокую зависимость импортеров от состояния международной торговли. Эта зависимость особенно высока на рынках металлов, используемых в “зеленой” энергетике. Фрагментация этих рынков будет тормозить процесс энергоперехода.

Сокращение торговли или замедление ее роста приводит к повышению цен на фрагментированных рынках. Удорожание сырья и энергоносителей имеет своим следствием ускорение роста цен на все товары. Фактором, ухудшающим благосостояние слоев населения с невысоким уровнем дохода, служит рост цен на продовольствие и массовые потребительские товары, происходящий в результате общего увеличения издержек и уменьшения предложения на соответствующих секторах рынка. В долгосрочной перспективе потери стран с низким уровнем дохода, связанные с сокращением поставок продуктов питания, могут составить в среднем 1,2% ВВП¹⁴.

Экономисты ЕЦБ оценили последствия разрыва ГЦС. Они использовали разработанную Бакаи и Фархи (*D. Baqaee, E. Farhi*) многострановую многоотраслевую модель, отражающую отраслевые производственные связи и международную торговлю промежуточными и конечными товарами и позволяющую учесть как эффекты усиления, передаваемые по глобальным производственным цепочкам, так и эффекты замещения, возникающие благодаря международной торговле. Расчеты

показали, что в краткосрочном периоде потери ВВП от разрыва ГЦС существенно (по некоторым параметрам в несколько раз) превышают потери в долгосрочной перспективе, что объясняется возможностями приспособления, которые появляются со временем. Переформатирование ГЦС приведет к повышению цен, главным образом в обрабатывающей промышленности, и сокращению международной торговли, прежде всего промежуточными ресурсами. Размер потерь зависит также от того, затронет ли разрыв только стратегически значимые отрасли или охватит все сектора рынка (в первом случае потери ожидаемо меньше), а также от глубины разлома: пройдет ли он по линии Восток-Запад или между различными торговыми блоками (аналогичное соотношение потерь). При наиболее щадящем сценарии потери ВВП составят 2,9% в краткосрочном периоде и 0,7% в долгосрочном; наименее благоприятный сценарий принесет потери ВВП в 15,2% и 3,1%. Соответствующие показатели потерь для международной торговли составляют 9% и 6%; 44% и 35%¹⁵.

От перераспределения потоков ПИИ в большей степени теряют развивающиеся страны и страны с формирующимися рынками, поскольку их доля в притоке ПИИ уменьшается, а именно эти страны особенно нуждаются в иностранных технологиях, приходящих с инвестициями преимущественно из развитых стран. Причем с начала пандемии приток ПИИ в страны Азии сократился в большей степени, чем в страны Европы, в то время как объем их поступлений в США довольно быстро восстановился. В целом от фрагментации сильнее страдают малые страны, экономика которых, как правило, в большей степени вовлечена в мирохозяйственные связи. Но проигрывают все: согласно имеющимся расчетам, в долгосрочном плане потери мирового ВВП от фрагментации ПИИ составят около 2%¹⁶.

* * *

Предпосылки фрагментации мировой торговли складывались постепенно. Заметная роль среди них принадлежит укреплению положения развивающихся стран на мировом рынке, ставшему одной из причин тупикового положения, в котором оказался текущий раунд многосторонних торговых переговоров. Застой в ВТО, в свою очередь, пагубно сказывается на стабильности мировой торговой системы и позволяет странам чаще прибегать к протекционистским инструментам.

Политика реиндустриализации, направленная на возрождение промышленности в странах Запада, чревата ослаблением инвестиционных связей и распадом транснациональных производственных сетей, в рамках которых осуществляется существенная часть международного торгового оборота. Пандемия предоставила аргументы, весьма спорные, в пользу замыкания производственных цепочек в пределах одной страны или региона.

Тенденция к фрагментации проистекает также из комплекса проблем, связанных с изменением мирового экономического порядка. США, ощущающие угрозу

своему лидерству в мировой экономике, вступили в затяжную торговую конфронтацию с КНР, своим главным соперником. Вводимые Вашингтоном ограничения распространяются не только на торговлю, но и на обмен технологиями. Возникает опасность не только разрыва торговых связей, но и технологического раскола.

Однако зависимость обоюдна. Вместе с силой и влиятельностью Китая росла связь его экономики с экономикой стран Запада, которые продолжают служить для него источником технологий, рынком сбыта и сферой приложения капитала. Китай и сам вырвался вперед в отдельных направлениях научно-технического прогресса, а поставляемая им массовая продукция играет большую роль в наполнении рынков развитых стран, позволяя поддерживать сложившийся уровень потребления. Промышленность КНР глубоко встроена в глобальные цепочки стоимости, а состояние национальной финансовой системы в большой степени определяется состоянием мировых финансов. С повышением технологического уровня китайской промышленности связи с зарубежными партнерами приобретают более глубокий и разветвленный характер, что приводит к усилению взаимозависимости.

Риски фрагментации мировой торговли высоки и, более того, отчасти уже реализуются. В настоящее время они исходят преимущественно из геополитической сферы. В противоположном направлении действуют фундаментальные экономические законы, которые стимулируют укрепление и развитие внешнеэкономических связей, позволяющих выйти на новый технологический уровень, увеличить производительность труда, создать рабочие места, повысить качество жизни.

Конечно, конкуренция ускоряет научно-технический прогресс и побуждает улучшать организацию производства, но она и расточительна. Фрагментация торговли и технологический раскол ведут к излишней трате ресурсов и повышению экологических рисков. С точки зрения экономической целесообразности все более настоятельной становится потребность в преодолении конфронтации в торговле, продолжении многосторонних торговых переговоров, возобновлении полноценной работы органов ВТО, сохранении сложившейся тенденции к стандартизации и унификации на глобальном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Fajgelbaum P., Goldberg P., Kennedy P., Khandelwal A., Taglioni D. The US-China Trade War and Global Reallocations. NBER Working Paper 29562. December 2021. Revision Date December 2023. 31 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w29562> (дата обращения 25.07.2024). <https://doi.org/10.3386/w29562>

² Global Value Chain Development Report 2023: Resilient and Sustainable GVCs in Turbulent Times. World Trade Organization, 2023. 366 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/gvc_dev_rep23_e.htm (дата обращения 25.07.2024).

³ World Investment Report 2024 - Investment Facilitation and Digital Government. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (дата обращения 25.07.2024).

⁴ Evenett S.J. What Endgame for the Deglobalisation Narrative? *Intereconomics*, 2022, vol. 57, November/December, num. 6, pp. 345–351. URL: <https://doi.org/10.1007/s10272-022-1085-y> (дата обращения 25.07.2024).

⁵ Волгина Н. 2024. Решоринг в США: особенности и перспективы. Современная мировая экономика, т. 1, вып. 4, март 2024 г. @@ Volgina N. 2024. Reshoring v SShA: osobennosti i perspektivy. *Sovremennaya mirovaya ekonomika*, t. 1, vyp. 4, mart 2024 g. URL: <https://cwejournal.hse.ru/article/view/19875> (дата обращения 25.07.2024).

⁶ Economic and Social Upgrading in Global Value Chains. Christina Teipen, Petra Dünhaupt, Hansjörg Herr, Fabian Mehl (ed.). Palgrave Macmillan Cham. 2022. 624 p. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-87320-2> (дата обращения 25.07.2024).

⁷ Geoeconomic Fragmentation and Foreign Direct Investment. In: *World Economic Outlook: A Rocky Recovery*. International Monetary Fund. Washington, DC. April 2023. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/04/11/world-economic-outlook-april-2023> (дата обращения 25.07.2024).

⁸ Goldberg, Pinelopi K. and Tristan Reed. Is the Global Economy Deglobalizing? If So, Why? And What Is Next? NBER Working Paper No. 31115. April 2023. URL: <https://www.nber.org/papers/w31115> (дата обращения 25.07.2024). <https://doi.org/10.3386/w31115>

⁹ Serhan Cevik. Long Live Globalization: Geopolitical Shocks and International Trade. IMF Working Paper No. 2023/225. October 27, 2023. 21 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/10/27/Long-Live-Globalization-Geopolitical-Shocks-and-International-Trade-540832> (дата обращения 25.07.2024).

¹⁰ Baldwin R., Freeman R., Theodorakopoulos A. Hidden Exposure: Measuring US Supply Chain Reliance. NBER Working Paper No. 31820. October 2023. 60 p. URL: <https://www.nber.org/papers/w31820> (дата обращения 25.07.2024). <https://doi.org/10.3386/w31820>

¹¹ Urbani Grecchi S. The New Globalisation: From Too Big to Fail to Too Intertwined to Decouple. *Intereconomics*. 2022, vol. 57, num. 6, pp. 368–371. URL: <https://doi.org/10.1007/s10272-022-1089-7> (дата обращения 25.07.2024).

¹² World Trade Report 2023. Re-Globalization for a Secure, Inclusive and Sustainable Future. WTO, 2024. 132 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr23_e.htm (дата обращения 28.07.2024).

¹³ Trade indicators. UNCTAD. URL: <https://hbs.unctad.org/trade-indicators/> (дата обращения 25.07.2024).

¹⁴ Alvarez J., Andaloussi M., Stuermer M. Geoeconomic Fragmentation Threatens Food Security and Clean Energy Transition. October 3, 2023. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/10/03/geoeconomic-fragmentation-threatens-food-security-and-clean-energy-transition> (дата обращения 25.07.2024).

¹⁵ Attinasi, M., Boeckelmann, L., Meunier, B., The Economic Costs of Supply Chain Decoupling, European Central Bank, Working Paper Series No 2839, 2023. 45 p. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2866/102280> (дата обращения 25.07.2024).

¹⁶ Ahn J., Habib A., Malacrino D., Presbitero A. Fragmenting Foreign Direct Investment Hits Emerging Economies Hardest. April 5, 2023. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/04/05/fragmenting-foreign-direct-investment-hits-emerging-economies-hardest> (дата обращения 25.07.2024).

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Волгина Н. 2024. Решоринг в США: особенности и перспективы. Современная мировая экономика, т. 1, вып. 4, март 2024 г. @ Volgina N. 2024. Reshoring v SShA: osobennosti i perspektivy. Sovremennaya mirovaya ekonomika, t. 1, vyp. 4, mart 2024 g. URL: <https://cwejournal.hse.ru/article/view/19875> (дата обращения 25.07.2024).

2. Ahn J., Habib A., Malacrino D., Presbitero A. Fragmenting Foreign Direct Investment Hits Emerging Economies Hardest. April 5, 2023. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/04/05/fragmenting-foreign-direct-investment-hits-emerging-economies-hardest> (дата обращения 25.07.2024).

3. Alvarez J., Andaloussi M., Stuermer M. Geoeconomic Fragmentation Threatens Food Security and Clean Energy Transition. October 3, 2023. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/10/03/geoeconomic-fragmentation-threatens-food-security-and-clean-energy-transition> (дата обращения 25.07.2024).

4. Attinasi, M., Boeckelmann, L., Meunier, B., The Economic Costs of Supply Chain Decoupling, European Central Bank, Working Paper Series No 2839, 2023. 45 p. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2866/102280> (дата обращения 25.07.2024).

5. Baldwin R., Freeman R., Theodorakopoulos A. Hidden Exposure: Measuring US Supply Chain Reliance. NBER Working Paper No. 31820. October 2023. 60 p. URL: <https://www.nber.org/papers/w31820> (дата обращения 25.07.2024). <https://doi.org/10.3386/w31820>

6. Economic and Social Upgrading in Global Value Chains. Christina Teipen, Petra Dünhaupt, Hansjörg Herr, Fabian Mehl (ed.). Palgrave Macmillan Cham. 2022. 624 p. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-87320-2> (дата обращения 25.07.2024).

7. Evenett S.J. What Endgame for the Deglobalization Narrative? *Intereconomics*, 2022, vol. 57, November/December, num. 6, pp. 345–351. URL: <https://doi.org/10.1007/s10272-022-1085-y> (дата обращения 25.07.2024).

8. Fajgelbaum P., Goldberg P., Kennedy P., Khandelwal A., Taglioni D. The US-China Trade War and Global Reallocations. NBER Working Paper 29562. December 2021. Revision Date December 2023. 31 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w29562> (дата обращения 25.07.2024). <https://doi.org/10.3386/w29562>

9. Geoeconomic Fragmentation and Foreign Direct Investment. In: World Economic Outlook: A Rocky Recovery. International Monetary Fund. Washington, DC. April 2023. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/04/11/world-economic-outlook-april-2023> (дата обращения 25.07.2024).

10. Global Value Chain Development Report 2023: Resilient and Sustainable GVCs in Turbulent Times. World Trade Organization, 2023. 366 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/gvc_dev_rep23_e.htm (дата обращения 25.07.2024).

11. Goldberg, Pinelopi K. and Tristan Reed. Is the Global Economy Deglobalizing? If So, Why? And What Is Next? NBER Working Paper No. 31115. April 2023. URL: <https://www.nber.org/papers/w31115> (дата обращения 25.07.2024). <https://doi.org/10.3386/w31115>

12. Serhan Cevik. Long Live Globalization: Geopolitical Shocks and International Trade. IMF Working Paper No. 2023/225. October 27, 2023. 21 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/10/27/Long-Live-Globalization-Geopolitical-Shocks-and-International-Trade-540832> (дата обращения 25.07.2024).

13. Trade indicators. UNCTAD. URL: <https://hbs.unctad.org/trade-indicators/> (дата обращения 25.07.2024).

14. Urbani Grecchi S. The New Globalisation: From Too Big to Fail to Too Intertwined to Decouple. *Intereconomics*. 2022, vol. 57, num. 6, pp. 368–371. URL: <https://doi.org/10.1007/s10272-022-1089-7> (дата обращения 25.07.2024).

15. World Investment Report 2024 - Investment Facilitation and Digital Government. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024> (дата обращения 25.07.2024).

16. World Trade Report 2023. Re-Globalization for a Secure, Inclusive and Sustainable Future. WTO, 2024. 132 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr23_e.htm (дата обращения 28.07.2024).

